

Весь мир

ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ

Америка
ВЫХОДИТ
НА МИРОВУЮ АРЕНУ
Воспоминания президента

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2023

УДК 82-94
ББК 83.3(2)
Р 82

Рузвельт Т.

Р 82 Америка выходит на мировую арену. Воспоминания президента. – М.: Родина, 2023. – 256 с. – (Весь мир).

ISBN 978-5-00222-069-4

Трудно в это поверить, но США когда-то даже не помышляли о значительной роли в мировой политике. Им не под силу было тягаться с такими политическими «тяжеловесами», как Великобритания, Франция, Россия, позже – Германия. Всё стало меняться в годы правления Теодора Рузвельта – 26-го президента США в 1901-1909 годах. «Является ли Америка слабаком, чтобы уклониться от работы великих мировых держав? Нет!» – заявил он.

Рузвельт выработал доктрину «большой дубинки», смысл которой пояснил фразой: «Не повышай голоса, но держи наготове большую дубинку, и ты далеко пойдешь». Во внутренней политике эта доктрина применялась для ограничения деятельности монополий; во внешней она означала право США вмешиваться в дела соседних государств, если там складывалась угрожающая для Штатов обстановка.

Кроме того, первым из американских президентов Теодор Рузвельт употребил выражение «мировой полицейский», считая, что Соединенные Штаты могут взять на себя такую обязанность для поддержания порядка в мире. В ходе войны между Россией и Японией он выступил в роли посредника между этими странами, в результате чего был заключен Портсмутский мир, а Рузвельт получил Нобелевскую премию.

В данной книге впервые на русском языке приводятся мемуары Теодора Рузвельта, в которых он рассказывает о своей деятельности.

УДК 82-94
ББК 83.3(2)

© Перевод с английского В. Мзареулова
ISBN 978-5-00222-069-4 © ООО «Издательство Родина», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Семейство Рузвельтов	6
Напряженная жизнь	28
«Кавалерия на черных лошадях»	39
Теория политических трофеев	59
Полиция Нью-Йорка	82
Война, к которой мы были не готовы	103
Реформаторы «шелковых чулок»	118
«Теннисный кабинет»	128
«Большая дубинка» для трестов	152
«Марксизм против социализма»	179
Доктрина Монро и Панамский канал	191
Гаагский трибунал	222
Русско-японская война	233
Вокруг света	244

СЕМЕЙСТВО РУЗВЕЛЬТОВ

Мой дед по отцу был почти чистым голландцем. В молодости он немного говорил по-голландски, а последний раз голландский язык использовался на службах Нидерландской реформатской церкви в Нью-Йорке, когда он был маленьким мальчиком.

Примерно в 1644 году его предок Клаес Мартенсен ван Рузвельт прибыл в Новый Амстердам в качестве «поселенца» — эвфемистическое название иммигранта, которые прибывали последним «рулевым» классом на парусниках в семнадцатом веке, так же как в веке девятнадцатом люди прибывают рулевым классом на пароходах. С той поры семь поколений мужчин нашей семьи неизменно рождались на свет на острове Манхэттен.

Предки моего отца по отцовской линии происходили из Голландии; за исключением одного по имени Уолдрон, колесного мастера, который был одним из пилигримов, оставшихся в Голландии, когда другие прибыли для основания Массачусетса, и который затем сопровождал голландских искателей приключений в Новый Амстердам.

Мать моего отца была родом из Пенсильвании, куда ее предки прибыли с Уильямом Пенном (некоторые — на одном корабле с ним). Они представляли собой обычный тип иммиграции в то время. Среди них были валлийские и английские квакеры, ирландец — с кельтским именем, но,

по-видимому, не квакер, и миролюбивые немцы, которые были среди основателей Джермантауна, будучи изгнаны из своих домов в Рейнской области, когда армии Людовика XIV разорили Пфальц; и, кроме того, представители отнюдь не столь мирного народа — шотландские ирландцы, которые приехали в Пенсильванию немного позже, в начале восемнадцатого века.

Моя бабушка была женщиной исключительной мягкости и силы, краеугольным камнем арки в ее отношениях с мужем и сыновьями. Хотя она сама не была голландкой, именно она научила меня единственным голландским словам, которые я когда-либо знал — детской песенке, первая строка которой гласила: «Trippe troppa tronjes». Я всегда помнил об этом, и когда я был в Восточной Африке, это обнажило узы, связывающие меня с бурскими поселенцами, многие из которых знали эту песенку. Впрочем, я совсем не удивляюсь, что поначалу у них всегда были трудности с пониманием моего произношения. Было интересно встретиться с этими людьми, чьи предки отправились на Кейп примерно в то время, когда мои отправились в Америку два с половиной столетия назад, и обнаружить, что потомки двух потоков эмигрантов все еще напевают своим детям по крайней мере некоторые из старых детских песенок.

О моем прадедушке Рузвельте и его семейной жизни более века назад я мало что знаю, кроме того, что мог почерпнуть из дошедших до меня его книг — «Письмах Джуниуса», биографии Джона Пола Джонса, «Жизни Вашингтона» Маршалла. Они, по-видимому, указывают на то, что его библиотека была менее интересной, чем библиотека прадеда моей жены в то же время, в которую, безус-

ловно, входили такие тома, как оригинальное «Эдинбург ревью», поскольку они теперь есть на наших собственных книжных полках.

Мое самое яркое детское воспоминание о дедушке Рузвельте — это услышанная о нем история. Во времена его детства воскресенье было таким же мрачным днем для маленьких детей-кальвинистов голландского происхождения, как если бы они были пуританами, шотландскими ковенантами или французскими гугенотами — и это я говорю как человек, гордящийся своими голландскими, гугенотскими и ковенантскими предками и гордящийся тем, что в них течет кровь сурового пуританского божества Джонатана Эдвардса.

Однажды летним днем, прослушав необычно длинную голландскую реформатскую проповедь во второй раз за день, мой дедушка, маленький мальчик, прибежав домой до того, как прихожане разошлись, наткнулся на стадо свиней, которые свободно разгуливали по улицам Нью-Йорка. Он быстро вскочил на большого кабана, который не менее быстро сорвался с места и на полной скорости понес его через гущу возмущенной паствы.

* * *

Кстати, один из дошедших до меня документов Рузвельта иллюстрирует изменения, произошедшие в определенных аспектах общественной жизни со времени, которое пессимисты называют «ранними и лучшими днями Республики». Старый Айзек Рузвельт был членом комитета по аудиту, который вскоре после завершения революции одобрил следующий законопроект:

Штат Нью-Йорк, Джону Кейпу
Оплата счета за обед, который Его Превосходительство
губернатор и Совет дали их Превосходительствам
посланнику Франции и генералу Вашингтону и К^о.
1783 декабрь

Обед на 120 персон — 48:0:0
135 бутылок Мадейры — 54:0:0
36 — Порто — 10:16:0
60 — английского пива — 9: 0:0
30 чаш пунша — 9: 0:0
8 обедов Musick 1:12:0
10 — Sarvts 2: 0: 0
60 бокалов вина разбитых — 4:10:0
8 графинов Cutt разбиты — 3: 0: 0
Кофе для 8 джентльменов — 1:12:0
Гонорары за музыку — 8: 0: 0
Фрукты и орехи — 5: 0:0
Итого — 156:10:0
Наличными — 100:16:0

Мы, Комитет Совета, рассмотрев вышеуказанный отчет, подтверждаем, что он (на сумму сто пятьдесят шесть фунтов десять шиллингов) справедлив. 17 декабря 1783 года.

АЙЗЕК РУЗВЕЛЬТ
ДЖАС. ДУЭЙН
ЭГБТ. БЕНСОН
ФРЕД ДЖЕЙ

Получил вышеуказанное содержание в полном объеме.
Нью-Йорк, 17 декабря 1783 года

ДЖОН КЕЙП.

Представьте себе губернатора Нью-Йорка, который сейчас выставил бы такой счет за увеселения для французского посла и президента Соединенных Штатов! Взгляды Фальстафа на правильное соотношение между зрелищами и хлебом подтверждаются соотношением между количеством чаш с пуншем и выпитыми бутылками портвейна, мадеры и пива и «кофе для восьми джентльменов» — по-видимому, единственных, кто продержался до этой стадии обеда. Особенно достойна восхищения беспечная манера, с которой, очевидно, в результате распития упомянутых бутылок вина и чаш с пуншем, было разбито восемь хрустальных графинов и шестьдесят бокалов.

Во время Революции некоторые из моих предков, как северяне так и южане, достойно, но без отличий служили в армии, а другие несли аналогичную службу в Континентальном Конгрессе или в различных местных законодательных органах. К тому времени те, кто жил на Севере, были по большей части торговцами, а на Юге — плантаторами.

Семья моей матери была преимущественно шотландского, но также гугенотского и английского происхождения. Она происходила из Джорджии, куда ее семья приехала из Южной Каролины до революции. Прадед моей матери, Арчибальд Буллок, был первым революционным «президентом» Джорджии. Мой дед, ее отец, проводил зиму в Саванне, а лето — в Розуэлле, на нагорье Джорджии, недалеко от Атланты, и в конце концов сделал Розуэлл своим постоянным домом. Он обычно ездил туда с семьей и домашним скарбом в собственном экипаже, за которым следовал багажный фургон.

Я никогда не видел Розуэлла, пока не стал президентом, но моя мать так много рассказывала мне об этом мес-